

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Курилова Анна Дмитриевна

**РОССИЙСКИЕ РУКОПИСНЫЕ РИТОРИКИ XVIII ВЕКА
НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 5.9.7 –

Классическая, византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

доктора филологических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена в Институте лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова.

Научный консультант:

Аннушкин Владимир Иванович

доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина»,
главный научный сотрудник лаборатории филологических исследований управления научной деятельности, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

Официальные оппоненты:

Москвин Василий Павлович

доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»,
профессор кафедры русского языка и методики его преподавания института русского языка и словесности

Антонец Екатерина Владимировна

доктор филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», доцент
кафедры классической филологии филологического факультета

Братухин Александр Юрьевич

доктор филологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»,
профессор кафедры мировой литературы и культуры факультета современных иностранных языков и литератур

Защита диссертации состоится «13» декабря 2024 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.059.6 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: 059.6.philol@org.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3155>

Автореферат разослан « _____ » _____ 2024 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

И. Р. Гимадеев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В диссертационной работе представлены результаты изучения десяти ранее не исследованных российских учебных рукописных риторик XVIII века, составленных на латинском языке. Актуальность обращения к данным источникам обусловлена необходимостью получить более точное представление о «латинском» этапе формирования отечественной словесности, проследить развитие в ней традиций античной и новолатинской риторики, определить роль латинского красноречия в процессе просвещения и становления филологии в России.

Латинское образование в России представляет собой важный этап культурного просветительства и развития гуманитарных наук. На латинском языке гуманитарные дисциплины преподавались вплоть до XIX века, хотя уже сложились основополагающие учебные тексты на русском языке. В частности, немалый интерес для исследования представляет «латинский» этап формирования риторической мысли в России.

Преподавание риторики в России было основано на многовековых традициях классической филологической культуры. Латинский язык являлся языком образования в духовных и светских учебных заведениях в России XVIII века, и преподавание науки о красноречии также осуществлялось преимущественно на латинском языке.

Обращение к истокам классического образования в России позволяет составить более полное представление об истории формирования и развития современной культуры, и в связи с этим пристального внимания и тщательного изучения требуют все периоды истории отечественной гуманитарной учёности в целом и риторики как науки о красноречии в частности.

Первые риторические трактаты на церковнославянском языке стали появляться уже в XVII веке. Так, в 1620 году неизвестным автором был выполнен перевод на церковнославянский язык латинской риторики Филиппа Меланхтона. Эту риторику приписывали вологодскому епископу Макарию. Публикация первой русской риторики вместе с текстом латинского первоисточника осуществлена профессором В. И. Аннушкиным¹.

Во второй половине XVII века становление российского просвещения связано прежде всего с именами братьев Иоанникия и Софония Лихудов, основавших Славяно-греко-латинскую академию в 1685 году в Москве. Деятельности братьев Лихудов посвящён ряд научных исследований². Благодаря

1 Аннушкин В. И. Первая русская риторика XVII века. Текст. Перевод. Исследование. М.: КДУ; Добросвет, 2021. 368 с.

2 Сменцовский М. Н. Братья Лихуды: опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вв. СПб., 1899. 459 с.; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. (Греческие рукописи в России). М.: Наука, 1977. 247 с.; Фонкич Б. Л. Новые материалы для биографии Лихудов // Памятники культуры. Новые

братьям Лихудам, учёным богословам, докторам Падуанского университета, в Россию были внесены традиции западноевропейского образования, переосмысленные в категориях греческой православной культуры³. Они стали во главе партии сторонников греческой образованности, противостоящей позиции «латинствующих», и вместе с тем стали проводниками схоластической традиции, к которой приобщились в Падуанском университете. Учебник риторики, составленный Софронием Лихудом для преподавания в Славяно-греко-латинской академии, опирался на трактат Франческо Скуффи «Искусство риторики», вышедший в Венеции в 1681 году на греческом языке⁴. В 1698 году «Риторика» Лихуда была переведена на церковнославянский язык Козьмой Греком (Афоноиверским).

При ректоре Палладию Роговском (1701–1703 гг.) в Московской академии уже не греческий, как при Лихудах, а латинский язык начинает занимать главенствующее положение. В академии вводится преподавание основных предметов на латинском языке⁵. В Петровское время просвещение становится государственной задачей и делается очевидной необходимость изучения латинского языка. Линия «латинствующих» в России была проложена с середины XVII в. Симеоном Полоцким и продолжена Стефаном Яворским, Феофаном Прокоповичем и другими культурными деятелями⁶. Фундамент формирующейся новой образовательной системы образуют схоластические программы⁷. Латинская образованность распространяется в России в значительной мере благодаря иезуитам⁸. Латинский язык становится важным

открытия. М.: Наука, 1987. С. 61–70; Фонкич Б. Л. К вопросу о соотношении академии Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева и академии братьев Лихудов // Лихудовские чтения: материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения» (Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г.). Великий Новгород, 2001. С. 28–30; Яламас Д. А. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России: дис... канд. филол. наук. М., 1992. 200 с.; Яламас Д. А. Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний: дис... доктора филол. наук. М., 2001. 398 с.; Рамазанова Д. Н. Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии: дис... канд. истор. наук. М., 2003. 329 с.; Вознесенская И. А. Московская Славяно-греко-латинская академия в первой трети XVIII века // Россия и христианский Восток. Вып. II–III. М.: Индрик; ИВИ РАН, 2004. С. 518–523.

3 Рамазанова Д. Н. Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии: дис... канд. истор. наук. М., 2003. С. 200.

4 Яламас Д. А. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России: дис... канд. филол. наук. М., 1992. С. 26; Сазонова Л. И. Риторика Ломоносова: актуальные проблемы риторической традиции XVIII века // Чтения отдела русской литературы XVIII века (Пушкинский Дом). № 7. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2013. С. 21–22.

5 Смирнов С. К. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 17.

6 Бухаркин П. Е. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 100–121.

7 Arżanuchin W. Drogi rosyjskiej scholastyki // Forum philosophicum, 2006, no. 11. S. 193–210.

8 Любжин А. И. Очерки истории российского образования в императорскую эпоху. М.: Изд-во Московского Культурологического лицея, 1997. 107 с.; Любжин А. И. История русской школы. Т. 1: Русская школа XVIII столетия. Кн. 1. М.: Никея, 2014. 752 с.; Флоровский А. В.

посредником в контактах со странами Западной Европы, а овладение латынью начинает рассматриваться как обязательная ступень образования.

Развитие латинского образования обогащало лексический строй русского языка, способствовало формированию научной и общественно-политической терминологии. Академик В. В. Виноградов отметил влияние латыни на русский синтаксис, подчеркнув появление в русском литературном языке в конце XVII века усвоенных из латыни инфинитивных синтаксических оборотов, правил построения фразы и порядка слов в предложении⁹.

Первым и наиболее влиятельным печатным риторическим трактатом на русском языке стало «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова, вышедшее в свет в 1748 г.¹⁰ Появление труда М. В. Ломоносова создало условия для развития красноречия на русском языке, способствовало интенсивному развитию русской риторики. Однако традиции латинского преподавания красноречия сохранялись еще долгое время.

В библиографических сводах по отечественной риторике¹¹, к сожалению, далеко не полностью представлены источники XVIII века. В. И. Аннушкин в составленной им периодизации истории русской риторики, характеризуя «ломоносовский» период (1745/50 гг.–1790/1800 гг.), подчеркнул, что в этом периоде «много не изучено, например, латинские руководства»¹². В. И. Аннушкин составил каталог рукописных риторик, хранящихся в фондах российских библиотек, и подчеркнул, что о них «пока приходится сказать только как о собранном источниковедческом материале, считая их изучение делом будущего»¹³. По утверждению учёного, «роль латинских риторик в филологическом образовании XVII–XVIII вв. не оценена в должной мере, как и роль латинского языка в истории русской филологической школы»¹⁴.

Российская школа риторики формировалась на основе многовековых традиций античного красноречия и их преломления в европейских риторических школах XVII–XVIII веков.

В задачи учебных руководств, которые составлялись преподавателями риторики для каждого учебного года, входило изложение теоретических

Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Сборник 5. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 316–335.

9 Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. С. 39.

10 Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 89–378.

11 Граудина Л. К., Миськевич Г. И. Теория и практика русского красноречия. М.: Наука, 1989. 256 с.; Зарифьян И. А. Теория словесности: Библиография и комментарий. Подписная научно-популярная серия «Лекторское мастерство». М.: Знание, 1990. № 2. 64 с.

12 Аннушкин В. И. Эволюция и содержание предмета русской риторики в истории русской филологии (XI – середина XIX вв.): дис... доктора филол. наук. М., 1997. 439 с.

13 Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2003. С. 6.

14 Там же. С. 80.

принципов риторики, дидактическая адаптация классических постулатов, переосмысление античного канона в практических целях. На основе рукописных руководств в духовных и светских учебных заведениях России XVIII века учащиеся осваивали риторическую теорию и упражнялись в применении её принципов на практике.

Проблема оригинальности риторик тесно связана с необходимостью *proprie communia dicere* («по-своему говорить об общеизвестном»). Основной подход, который демонстрируют авторы руководств, заключается в бережном следовании признанным авторитетам. В связи с этим авторство риторик, как правило, не указывалось. Обращением к одним и тем же источникам объясняется наличие повторяющихся теоретических положений и примеров. Следует, однако, учесть и своеобразие отдельных руководств, которое проявляется и в стиле изложения, и в оформлении текста, и в подборе иллюстративного материала. Степень оригинальности риторик колебалась от буквального копирования фрагментов источников до методических советов и рекомендаций, высказанных от собственного лица, и даже попыток оспаривания авторитетов. Авторы российских рукописных учебных риторик не просто воспроизводили положения античной и новолатинской науки красноречия, но и стремились их интерпретировать в соответствии с требованиями времени и собственными педагогическими задачами.

К общим особенностям анализируемых текстов относятся компилятивность, отсутствие авторской атрибуции (в подавляющем большинстве случаев), соединение традиционного и оригинального в выборе и изложении материала.

«Латинский» период формирования российской риторической школы, получивший отражение в ряде рукописных риторик, несомненно, заслуживает внимательного изучения.

Степень научной разработанности темы. В последние десятилетия появился ряд исторических и культурологических исследований, в которых раскрывается роль латинского языка в истории российской культуры и указывается на необходимость изучения рукописных риторических сочинений. В частности, в работах Ю. К. Воробьёва прослеживается влияние латинского языка на российскую культуру начиная с Древней Руси и отмечается неполнота научных описаний латинских текстов, функционировавших в России¹⁵. В диссертации Н. В. Салоникова, посвящённой библиотеке Новгородской духовной семинарии, констатируется недостаточная изученность греческих и латинских рукописных источников, хранящихся в библиотеке семинарии¹⁶. Влияние латинского языка на формирование русской интеллектуальной лексики рассмотрено в работе

15 Воробьёв Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск: ИМУ, 1999. 240 с.; Воробьёв, Ю. К. Латинский язык и отражение греко-римской мифологии в русской культуре XVIII века: дис... доктора культурол. наук. М., 2000. 354 с.

16 Салоников Н. В. Библиотека Новгородской духовной семинарии: состав и история формирования: дис... канд. истор. наук. Великий Новгород, 2004. 190 с.

М. Валькастелли¹⁷. В исследованиях А. И. Любжина собрано много ценных и малоизвестных сведений об истории российского классического образования и роли латинского языка в его становлении¹⁸.

Не менее важным представляется рост научного интереса к новолатинским текстам разных жанров, который наблюдается в европейской филологии со второй половины XX века. Так, предметом исследования Д. Л. Либуркина стала русская новолатинская поэзия¹⁹, в работе Г. М. Воробьева рассматриваются биологические трактаты Аристотеля в латинском переводе Феодора Газы²⁰, новолатинский труд шведского историографа Юхана Видекинда как важный литературный источник исследован в работе А. А. Ветушко-Калевича²¹. Продолжает активно изучаться богатое собрание риторических учебных книг из Киево-Могилянской академии (сохранилось 127 учебников)²². Риторический труд Феофана Прокоповича, оказавший заметное влияние на рукописные латинские риторички XVIII века, наряду с другими его сочинениями постоянно находится в центре внимания исследователей²³. Следует отметить выход комментированного издания риторички

17 Валькастелли М. Латинский язык в истории формирования русской интеллектуальной лексики с конца XVI в. по XVIII в.: автореферат дис... канд. филол. наук. М., 2010. 22 с.

18 Любжин А. И. Очерки истории российского образования в императорскую эпоху. М.: Изд-во Московского Культурологического лицея, 1997. 107 с.; Любжин А. И. История русской школы. Т. 1: Русская школа XVIII столетия. Кн. 1–2. М.: Никая, 2014. Кн. 1: 752 с. Кн. 2.: 656 с.

19 Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: вторая половина XVII – первая треть XVIII вв.: дис... канд. филол. наук. М., 2000. 298 с.

20 Воробьев Г. М. Биологические трактаты Аристотеля в латинском переводе Феодора Газы как памятник гуманистической филологии: автореферат дис... канд. филол. наук. СПб., 2017. 24 с.

21 Ветушко-Калевич А. А. Новолатинская литература Швеции: Юхан Видекинд и его источники: автореферат дис... канд. филол. наук. СПб., 2018. 26 с.

22 Петров Н. И. Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Вып. 1–2. Киев, 1875–1877; Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. Т. 1–3. М., 1891–1904; Маслюк В. П. Латиноязычные поэтики и риторички XVII – первой половины XVIII в. и их роль в формировании теории литературы на Украине: автореферат дис... доктора филол. наук. Киев, 1980. 45 с.; Стратий Я. М., Литвинов В. Д., Андрушко В. А. Описание курсов философии и риторички профессоров Киево-Могилянской академии. Киев: Наукова думка, 1982. 382 с.; Цыганок О. Цицерон в украинской риторичке “Manuductio” // *Studi Slavistici*. 2020. XVII (1). P. 35–60.; Cyganok. O. Głównie kierunki studiów nad ukraińskimi retorykami barokowymi // *Terminus*. 2014. T. 16, z. 3 (32). S. 285–303.

23 Łużny R. Teofan Prokopowicz a literatura polska. Z dziejów związków literackich polsko-ruskich na przełomie XVII i XVIII wieku // *Slavia Orientalis*, 1965, no 3. S. 331–345; Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л.: Наука, 1974. С. 50–80; Ничик В. М. Феофан Прокопович. М.: Мысль, 1977. 192 с.; Буланина Т. В. Первое издание «Риторички» Феофана Прокоповича // *Русская литература*. 1980. № 3. С. 230–232; Кибальник С. А. О «Риторичке» Феофана Прокоповича // XVIII век. Вып. 14. Л.: Наука, 1983. С. 193–206; Кибальник, С. А. О «Риторичке» Феофана Прокоповича // *Кибальник, С. А. Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века. Очерки*. СПб.:

Прокоповича в русском переводе, что, несомненно, привлечёт ещё большее внимание к этому источнику²⁴.

Существенный вклад в развитие научных представлений об истории российской риторики и роли латинского красноречия в её становлении внесли многочисленные исследования, посвящённые риторическим сочинениям XVII–XVIII вв., составленным на русском языке. Детальное исследование развития русской риторики в XVII–XVIII вв. содержится в монографии В. П. Вомперского²⁵. В трудах В. И. Аннушкина²⁶, посвящённым становлению риторической образованности в России, отмечается и влияние на русскую риторику традиций латинского красноречия. В диссертационных работах Т. В. Василенко²⁷ и К. М. Ушаковой²⁸ исследуется специальная терминология русских риторических сочинений XVIII–XIX вв., в частности, рассматриваются источники терминологической лексики и прослеживаются латинские заимствования. Е. В. Маркасовой выполнено содержательное исследование

Петрополис, 2012. С. 375–389; Буранок О. М. Своеобразие ораторской прозы Феофана Прокоповича киевского периода // Культура и текст. 1997. № 1. С. 56–62; Буранок О. М. Русская литература XVIII века: Петровская эпоха. Феофан Прокопович. М.: Флинта–Наука, 2003. 336 с.; Буранок О. М. Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века: автореферат дис... доктора филол. наук. – Самара, 2013. – 55 с.; Бухаркин П. Е. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 100–121; Николаев С. И. Полилингвизм творчества Феофана Прокоповича в науке XX века // Чтения Отдела русской литературы XVIII в. (Пушкинский Дом). № 8. 2018. С. 57–64; Терешкина Д. Б. Евангельское слово в проповедях Феофана Прокоповича // Проблемы исторической поэтики. 2018. Том 16. № 1. С. 17–29; Маркасова Е. В., Сенецкая Л. Б. Цицерон в «Риторике» Феофана Прокоповича // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 116–122.

24 Прокопович Феофан. Об искусстве риторическом десять книг / пер. Г. А. Стратановского. М.–СПб.: Альянс–Архео, 2020. 488 с.

25 Вомперский В. П. Риторика в России XVII – XVIII вв. М.: Наука, 1988. 180 с.

26 Аннушкин В. И. Эволюция и содержание предмета русской риторики в истории русской филологии (XI – середина XIX вв.): дис... доктора филол. наук. М., 1997. 439 с.; Аннушкин В. И. Преподавание риторики в России XVIII века: программы, школьные сочинения и речи // Риторика. № 1 (4). М.: Лабиринт, 1997. С. 52–66; Аннушкин В. И. История русской риторики. М.: Академия, 1998. 416 с.; Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2003. 397 с.; Аннушкин В. И. Риторика. Экспресс-курс. М.: Флинта: Наука, 2007. 224 с.; Аннушкин В. И. Спорные вопросы риторического образования // Риторика и культура речи: наука, образование, практика. Мат-лы XIV Международной научной конференции (1-3 февраля 2010 г.). Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. С. 4–7; Аннушкин В. И. Первая русская риторика XVII века. Текст. Перевод. Исследование. М.: КДУ; Добросвет, 2021. 368 с.

27 Василенко Т. В. Терминология русских риторик XVIII – начала XIX вв.: дис... канд. филол. наук. Архангельск, 1998. 237 с.

28 Ушакова К. М. Терминология русской риторики как учения о речи: вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.: автореферат дис... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.

концепций фигур речи в российских риториках в диахроническом аспекте²⁹. Значительное количество исследований посвящено риторическим трудам М. В. Ломоносова³⁰.

Назрела необходимость систематизировать сведения о российских рукописных риториках, составленных на латинском языке и отразивших определённый этап формирования отечественной науки о красноречии, изучить их содержание и применяемые в них методические подходы, выявить круг источников. Исследование российских риторических руководств XVIII в. может стать ещё одним шагом на пути изучения новолатинских письменных источников, а также позволит проследить развитие классических риторических традиций в России и их влияние на становление отечественной словесности.

Целью диссертационного исследования является комплексный анализ российских рукописных риторик, созданных на латинском языке, установление их источников, определение соотношения традиционного и оригинального в изложении материала, описание применяющихся в них методических

29 Маркасова Е.В. Теория фигуры речи в русских риториках XVII–XVIII вв.: дис... доктора филол. наук. СПб., 2002. 254 с.

30 Бухаркин П. Е. «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова: литературный статус и некоторые проблемы филологического изучения // Филологическое наследие М. В. Ломоносова. СПб.: Нестор–История, 2013. С. 36–71; Бухаркин П. Е. Риторика М. В. Ломоносова и классические традиции в русской литературе // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И. М. Тронского): материалы Международной конференции (ИЛИ РАН, 23–25 июня 2014 г.). СПб.: Наука, 2014. С. 98–118; Волков С. С. Словарь-справочник «Риторика М. В. Ломоносова»: Источники и тексты // Филологическое наследие М. В. Ломоносова. СПб.: Нестор–История, 2013. С. 17–35; Сазонова Л. И. Риторика Ломоносова: актуальные проблемы риторической традиции XVIII века // Чтения отдела русской литературы XVIII века (Пушкинский Дом). № 7. М.-СПб.: Альянс–Архео, 2013. С. 20–40; Костин А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // Slavica Revalensia. – 2015. – Vol. 2. – С. 9–34; Костин А. А., Лемешев К. Н. «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова: история первого издания (1748 г.) // Slovĕne. 2017. Vol. 6. № 2. С. 310–346; Лемешев К. Н. К вопросу об источниках «Риторики» М. В. Ломоносова // Русская литература. 2012. № 3. С. 107–122; Лемешев К. Н. Фигуры повторения и усугубления в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. № 2. С. 367–375; Лемешев К. Н. Наименования фигур предложений в риторике М. В. Ломоносова // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2014. № 1. С. 629–663; Лемешев К. Н. Источники примеров в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова: сентенции Сенеки в русском переводе // Вестник Альянс – Архео, 2016. № 13. С. 54–63; Матвеев Е. М. Наименования тропов и фигур речи в русских риториках: М. В. Ломоносов и его предшественники // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16 (2). P. 565–581; Смирнова А. С., Шарихина М. Г. Распространение в риторической теории М. В. Ломоносова и амплификация в сочинении Н. Коссена «О духовном и светском красноречии»: сопоставительный анализ // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVIII (2): материалы Международной конференции, посвящённой памяти проф. И. М. Тронского (ИЛИ РАН, 17–19 июня 2024 г.). Vol. 28 (2). СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 2219–2238.

принципов.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) дать характеристику рукописным риторикам XVIII века на латинском языке, находящимся на хранении в рукописном фонде РГБ;
- 2) сравнить композиционные и методические принципы каждого руководства;
- 3) проанализировать и сравнить интерпретацию всех частей античного риторического канона в разных руководствах;
- 4) охарактеризовать особенности теоретического осмысления видов и жанров красноречия составителями руководств;
- 5) выявить античные и новолатинские источники рукописных риторик;
- 6) определить своеобразие и степень оригинальности каждого руководства.

Объектом исследования выступают рукописные риторики, составленные в России в XVIII веке в учебных целях на латинском языке.

Предмет исследования составляют содержание латиноязычных рукописных руководств, их композиция, методические принципы, отношение к античным и новолатинским источникам, связь с русскоязычными риториками.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что в 40–60-е гг. XVIII в. в России наблюдается особый переходный этап развития риторической науки: в латинских учебных книгах, составленных для преподавания в разных городах России, на основе компиляции и обобщения классических источников происходит отбор и адаптация соответствующего актуальной общественной ситуации материала, подчёркивается необходимость совмещения латинской риторической теории с практикой красноречия на русском языке и таким образом создаются предпосылки для дальнейшего развития российской риторики.

В качестве **материала исследования** отобраны следующие риторические руководства, находящиеся на хранении в Отделе рукописей РГБ:

1. Наставления по риторике на примерах из латинских авторов... Вологодская семинария. – 1764. – РГБ (Великоустюжское собрание). – Ф. 122, № 14.

2. Риторика студента владельца Димитрия Смирнова. – Московская Славяно-греко-латинская академия. – 1751-1753. – РГБ. – Ф. 173.1., № 348. – 148 л.³¹

31 Эта риторика, хранящаяся в отделе рукописей РГБ под названием «Риторика владельца студента Димитрия Смирнова», является студенческим списком трактата Феофана Прокоповича “De arte rhetorica” (без атрибуции), что свидетельствует об использовании книги в качестве рекомендованного учебного пособия в Славяно-греко-латинской академии. Известны и другие копии риторики Прокоповича, выполненные студентами Славяно-греко-латинской академии и относящиеся к этому же периоду (1750–1751): риторики студентов Михаила Фёдоровича Тодорского (РГИА. Ф. 834. Оп. 3, № 3421) и Василия Семёнова (РГБ. Ф. 173 II. Дополнительное собрание библиотеки МДА, № 86). См.: Прокопович Феофан. Об

3. Basilevicz Manuel. *Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. – 1756. – РГБ. – Ф.733 (Смолен.), № 21. – 154 л.

4. *Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae suadae in ornamentum Rossiae laureatis capitibus Neotulliorum in Mosquensi Graecolatino viridario contextum ...* (Венок из неувядаемых цветов красноречия Цицерона, сплетённый, чтобы украсить увитые лавром головы неоцицеронианцев России в Московском греко-латинском саду...). Московская Славяно-греко-латинская академия. – 1745–1746. – РГБ. – Ф. 173 (1), № 355. – 168 л.

5. *Eloquentia ligata artificii in articulos divisa atque ad usum Roxolanae juventuti in Mosquensi orthodoxa academia commodata* (Красноречие, искусно разделённое на статьи, приуроченное к пользованию российского юношества в Московской православной академии). Московская Славяно-греко-латинская академия. – 1743–1744. – РГБ. – Ф. 173 (1), № 341. – 203 л.

6. *Emporium totius facultatis rhetoricae selectioribus eloquentiae fundamentis ad elegantiam stili et vulgarem in omni dicendi genere modum magis conducentibus nec non rebus ac ideis ad instruendum tum sacrum tum civilem oratorem et pluribus ad artem rhetoricam spectantibus refertissimum ad usum et imitationem rhetoribus expositum in Moscoviensi sacratissimae imperatoriae majestatis academia anno 1744 septembri die 21-ma in annum 1745* (Собрание всего, к риторике касающегося, с приведением всех оснований, выбранных для изысканного и повседневного стиля из всех видов беседы, всех вещей и мыслей к научению ораторов как церковных, так гражданских, и многого другого к риторике относящегося, для употребления и подражания собранное в Московской священной имп. Академии в 1744-1745 гг.). – РГБ. – Ф. 173.1, № 356. – 178 л.

7. *Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt...* Коломенская семинария. – 1761. – РГБ. – Ф. 173.1, № 357. – Л. 85-193.

8. *Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta...* Рязанская семинария. 1759. – РГБ. – Ф. 194 (К.И. Невоструева), № 43. – 249 л.

9. *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber.* Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. – 1766. – РГБ. – Ф. 312, № 78. – 95 л.

10. *Viridarium Excellentissima Artis Oratoria...* Москва, 1727–1728. – РГБ. – Ф. 299, № 603. – Лл. 114–236.

Все риторики относятся к периоду с 1744 по 1766 годы, кроме одного руководства, созданного в 1727–1728 гг. и значительно отличающегося от других рукописей по выбору материала. Сопоставление с латинской риторикой более раннего периода оказалось полезным для определения динамики развития риторического образования в России, в частности, тенденций в выборе

искусстве риторическом десять книг / пер. Г. А. Стратановского. М.-СПб.: Альянс–Архео, 2020. С. 11.

источников.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных учёных, посвящённые основам античной риторической теории (Е. В. Антонец, М. Л. Гаспаров, Ф. Ф. Зелинский, А. И. Солопов, D. H. Berry, M. L. Clarke, T. Conley, P. A. F. Donnelly, A. Erskine, G. O. Hutchinson, G. Kennedy, R. Lachmann, H. Lausberg, L. Pernot), проблемам новолатинского образования (В. А. Андрушко, В. Д. Литвинов, А. И. Любжин, Я. М. Стратий, А. В. Флоровский, О. Цыганок, W. Barner, V. Cox, D. Кнох, J. O. Ward), распространению и развитию риторической науки в России (В. А. Аннушкин, Т. В. Буланина, П. Е. Бухаркин, И. А. Вознесенская, В. П. Вомперский, Ю. К. Воробьёв, Л. К. Граудина, С. А. Кибальник, А. А. Костин, К. Н. Лемешев, Е. М. Матвеев, Г. И. Миськевич, Д. Н. Рамазанова, Ю. В. Рождественский, С. С. Волков, Б. Л. Фонкич, Д. А. Яламас).

Основными **методами** исследования являются описательно-аналитический, сравнительно-исторический, текстологический, герменевтический.

Научная новизна исследования заключается в характере материала, до сих пор не являвшегося предметом научного интереса, в систематизации, описании и научном анализе рукописных источников, в освещении «латинского» этапа становления отечественной филологии.

На защиту выносятся следующие положения, составляющие основу проведённого исследования:

1) В XVIII веке преподавание риторики в духовных и светских учебных заведениях России осуществлялось на латинском языке. Рукописные учебные книги, которые составлялись учителями риторики ежегодно для конкретного курса, сочетали открыто декларируемый компилятивный характер с определённой долей самостоятельности в выборе теоретического материала, практических рекомендаций, примеров и упражнений. Важным представляется вопрос о степени самостоятельности и оригинальности составителей латинских риторик. Компилятивный характер риторических руководств не вызывает сомнений и оправдан задачами учебных книг, аккумулирующих наиболее ценные и значимые по мнению составителя, а также важные для учащихся знания.

2) Несмотря на то, что риторики составлялись на латинском языке, они включали отдельные примеры на живых языках (русском и польском). Хотя обращение к живым языкам отмечается в латинских риториках эпизодически, оно свидетельствует о стремлении к объединению двух тенденций преподавания теории красноречия – а именно, усвоения канонов классической античной и средневековой христианской элоквенции и умения воплощать их в своей речевой деятельности, в частности, также и на родном языке.

3) Композиция руководств основывалась на античном риторическом каноне, однако последовательность этапов подготовки риторического выступления, как правило, нарушалась. Во многих руководствах этап словесного выражения предшествует изобретению и расположению, хотя в античном каноне

ему отведено третье место, кроме того, вводится предварительный этап знакомства с основными понятиями и средствами красноречия.

4) Можно выделить несколько групп теоретических источников руководств. Это античные риторические сочинения Цицерона и Квинтилиана; западноевропейские новолатинские трактаты Николая Коссена, Ф. А. Помея, Киприано Соареса, Герхарда Фосса (Воссия); польская барочная риторика; трактат Феофана Прокоповича (особо важный источник, активно цитируемый со ссылками и без них, а также используемый в учебном процессе во многих городах России); риторические труды М. В. Ломоносова на русском языке, примеры из которых используются в некоторых риториках.

5) Основными источниками практических примеров и образцов являются речи Цицерона и фрагменты христианских текстов. В некоторых риториках используются цитаты из речей польских ораторов и Феофана Прокоповича.

6) Перспектива дальнейшего исследования российских латиноязычных рукописных риторик связана с введением в научный оборот ранее не исследованных текстов и материалов, что позволит расширить представление о процессе формирования российской риторической науки, полнее представить место латинского языка в образовательном процессе в России XVIII века.

Теоретическая значимость исследования определяется уточнением представлений о развитии риторики в России, об объёме и содержании риторического знания в рассматриваемый исторический период, о сохранении и развитии античных традиций в российской риторической практике.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать полученные результаты для дальнейшего изучения истории российской риторики, продолжения исследований античного влияния на русскую культуру.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются корректностью работы с оригинальными рукописными источниками, опорой на научные методы исследования, апробацией полученных результатов и наблюдений в форме публикаций и выступлений на научных конференциях.

Апробация исследования. Основные результаты диссертационного исследования изложены в 29 научных публикациях, а также были представлены к обсуждению

– на международных конференциях: «Индоевропейское языкознание и классическая филология»: чтения памяти И. М. Тронского (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2021, 2022, 2023, 2024); XIV Международная конференция по риторике «Риторика и культура речи: Наука, образование, практика» (Астрахань, АГУ, 2010 г.); XV Международная конференция по риторике «Риторика как предмет и средство обучения» (Москва, МПГУ, 2011 г.); XVI Международная конференция по риторике «Риторика в новом образовательном пространстве» (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный горный университет, 2012 г.); II

Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, МГУ, 2012 г.); Международная научная конференция «Говорящая личность в современном информационном обществе» (Астрахань, АГУ, 2012 г.); X Международная научно-практическая конференция «Татищевские чтения» (Тольятти, Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2013 г.); XVII Международная научно-практическая конференция по риторике «Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике» (Москва, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2013); Международная заочная научная конференция «Эмоциональные концепты в структуре художественного произведения» (Астрахань, АГУ, 2013); Международная научно-практическая конференция «I Лужские научные чтения» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013); Международная заочная конференция «Категория телесности в структуре литературно-художественного дискурса» (Астрахань, АГУ, 2014); XXI Международная научная конференция по риторике «Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике» (Москва, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2017); XXII Международная научная конференция по риторике «Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение» (Москва, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019); XXV Международная научная конференция по риторике «Риторика и речекоммуникативные дисциплины в науке и практике современного общества» (Москва, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022); XXVI Международная конференция по риторике «Современная риторика и речеведческие дисциплины: от устного диалога до компьютерно-цифрового взаимодействия» (Москва, Московский государственный лингвистический университет, 2023); XXVII Международная научно-практическая конференция «Риторика в социокультурном пространстве современной России» (Москва, МПГУ, 2024);

– на всероссийских конференциях: Всероссийская научная конференция «Автор в структуре художественного произведения» (Астрахань, АГУ, 2017); Всероссийская научная конференция «Интертекстуальность художественного дискурса» (Астрахань, АГУ, 2018);

– на зональных и региональных конференциях: XXXII Зональная конференция литературоведов Поволжья «Анализ и интерпретация художественного произведения» (Астрахань, АГУ, 2010 г.); Региональная научная конференция «Поэтика игры в структуре литературно-художественного дискурса» (Астрахань, АГУ, 2015); Региональная научная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения проф. Н. С. Травушкина «Трансформация жанра в историко-литературном процессе» (Астрахань, АГУ, 2016).

Структура диссертации обусловлена поставленными в ней целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трёх глав, разделённых на параграфы,

заклучения, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дано обоснование актуальности исследования, определена степень изученности проблематики, указаны объект, предмет и материал исследования, выявлена научная новизна работы, сформулированы гипотеза, цель и задачи исследования, показаны теоретическая и практическая значимость полученных результатов, обозначены методы исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, приведены сведения об апробации результатов исследования и структуре диссертации.

В **первой главе** диссертации **«Российские латиноязычные риторик в контексте традиций европейского образования»** дана обзорная характеристика составивших материал исследования российских рукописных риторик на латинском языке, определён круг античных и новолатинских источников рукописных руководств, получивших применение в образовательной практике в духовных и светских учебных заведениях России XVIII века.

В параграфе 1.1 *«Обзор рукописных латинских риторик XVIII века»* латинские руководства рассматриваются в контексте формирования российской риторической школы, указывается, что несмотря на появление первых риторик на русском языке в XVIII веке в учебной практике преподавание риторики велось на латинском языке и каждый преподаватель составлял, как правило, собственный рукописный учебник (курс лекций, практическое руководство). Отмечается, что традиция составления рукописных учебников укоренилась под влиянием схоластической системы преподавания, принятой в иезуитских коллегиях.

Определены основные особенности содержания и композиции отдельных риторик. Отмечена важность предисловий, представлявших собой авторские декларации, в которых наряду с риторически отшлифованным приветственным обращением к учащимся и добрыми наставлениями помещался краткий обзор содержания руководства. Составитель нижегородской риторики 1766 г. счёл необходимым перевести первую страницу предисловия на русский язык, чтобы предназначение книги и её благонадёжность были понятны всем, кто возьмёт её в руки.

Заслуживает внимания одна из наиболее содержательных и своеобразных рукописных риторик – *“Opus artis oratoriae generosae juventuti Roxolanae”* («Труд по ораторскому искусству для благородного российского юношества»), составленная преподавателем Смоленского коллегия Мануилом Базилевичем в 1756 году. Автор риторического руководства известен, и это уже необычно, так как в большинстве латинских риторик этого времени фиксируется только время и место создания, а также имя высокого покровителя. Так, в нижегородском руководстве 1766 г. названо только имя архиепископа Феофана Чарнуцкого, при котором была написана учебная книга. Аналогичные сведения приведены и в рязанской риторике 1759 года, в которой сообщается, что она была подготовлена в Рязанской семинарии

при поддержке Палладия, епископа Рязанского и Муромского. Риторика М. Базилевича, впрочем, не отступает от данной традиции. В заголовке к ней помимо автора упомянут также основатель Смоленской коллегии, епископ Смоленский Гедеон Вишневецкий.

Структура риторических руководств приблизительно одинакова. Вводная часть содержит сведения о главных понятиях науки о красноречии. Она включает в себя знакомство с терминологией, видами периодов, приёмами амплификации, классификацией тропов и фигур, правилами построения хрии и писем. Остальные части посвящены изложению основ общей и частной риторики. Теория общей риторики структурирована по частям риторического канона (*inventio, dispositio, elocutio, memoria, actio*), но последовательность их изучения в разных риториках не совпадает. Так, в вологодской риторике 1764 г. словесное выражение (*elocutio*) рассматривается до традиционно предшествующих ему изобретения и расположения. Частная риторика охватывает изучение видов и жанров красноречия. Некоторые учебники построены по принципу катехизиса: формулируются вопросы и даются ответы на них, другие напоминают сжатый конспект. Особенности нижегородской риторики 1766 г. являются ясность, краткость, простота, тенденция к методически оправданному упрощению. Риторика из Смоленской коллегии и Славяно-греко-латинской академии отличаются обстоятельностью и детальностью, в них большее внимание уделено эмоциональности и тщательной риторической отделке речи.

Характерной чертой рассмотренных рукописных источников является использование в тексте нескольких языков. Безусловно, доминирует латынь, но термины, как правило, даются также по-древнегречески, примеры (хоть и в редких случаях) могут приводиться по-русски и по-польски. Например, в смоленском руководстве Мануила Базилевича иллюстрацией топоса имени служит польское шутливое стихотворение, а примеры неудачных метафор на русском языке взяты из риторического трактата М. В. Ломоносова. На русском языке в смоленском и нижегородском руководствах дан образец свадебной речи после венчания. В рязанской риторике 1759 г. пример построения распространённой речи на основе энтимемы даётся на русском языке. Сама энтимема приведена на латинском языке: “*Diva Martyr Barbara pro Christo passa et mortua est laudanda*” («Святая мученица Варвара, пострадавшая и принявшая смерть ради Христа, достойна восхваления») ³². Следующее за ней упражнение (*praxis*), заключающееся в амплификации энтимемы, выполнено по-русски. Эта особенность иллюстрирует стремление привязать классическую риторическую теорию к живой языковой практике, показать, что риторические приёмы встречаются и в повседневной речи. Хотя обращение к живым языкам (русскому и польскому) отмечается в латинских риториках лишь эпизодически, всё же оно свидетельствует о стремлении к объединению двух тенденций преподавания теории красноречия – а именно, усвоения канонов

32 Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta... (Наставления в ораторике, почерпнутые у древних и новых авторов...). Рязанская семинария. 1759. РГБ. Ф. 194 (К.И. Невоструева), № 43. Л. 66.

классической античной и средневековой христианской элоквиции и умения воплощать их в своей речевой деятельности, в частности, и на родном языке.

В каждом из рассмотренных руководств соблюдается классический подход к изучению риторики, опирающийся на всю предшествующую европейскую риторическую традицию, но, оставаясь в рамках канона, составители учебных книг всё же демонстрируют определённую самостоятельность и оригинальность.

В параграфе 1.2 «*Источники российских риторических руководств*» последовательно рассматриваются античные и новолатинские источники учебных риторик.

Отмечается, что античные тексты образуют важнейший круг авторитетных источников рукописных руководств. В частности, одно из руководств, составленное в Вологодской семинарии в 1764 г., уже своим названием («*Наставления по риторике на примерах из латинских авторов...*») указывает на обращение преимущественно к античным источникам. Вологодский ритор ссылается на античные трактаты по риторике, цитирует их, а также иллюстрирует теоретические правила литературными примерами из римских классиков. Достоинством вологодской риторики является более внимательное, чем у других ритор, отношение к своим источникам, проявляющееся во многих случаях в конкретных ссылках.

Из античных авторов во всех риториках наиболее часто упоминается Цицерон. Следует отметить, что восприятие Цицерона как авторитетного теоретика риторики и сильнейшего из ораторов характерно для европейского образования XVII–XVIII вв. в целом и для Центральной и Восточной Европы в частности. Известно, что в Киево-Могилянской академии риторику изучали по трудам Цицерона³³. В российских рукописных риториках имя Цицерона встречается очень часто: приводятся примеры из его речей, цитируются риторические трактаты. В названии одной из рассмотренных в данной работе риторик, московской риторики 1745–1746 гг. из Славяно-греко-латинской академии, указано, что она адресована новым адептам учения Цицерона, которые именуются «*Neotulliani*». Традиция упоминания имени Цицерона в заглавиях риторических учебных книг существовала в XVII–XVIII вв. и в Киево-Могилянской академии (например, «*Orator e mente Tulliana... instructus*», «*Classis Tulliana*», «*Arbor Tulliana*» и др.)³⁴. Значительно реже, чем выдержки из Цицерона, встречаются отсылки к трактатам других античных теоретиков риторики – Квинтилиана и Аристотеля. Кроме теоретических постулатов античной риторики, из сочинений римских авторов привлекаются также примеры, иллюстрирующие способы амплификации, употребление тропов и

33 Szczepański J. Wstęp // Wybór mów Cyncerona. Lwów–Warszawa, 1929; Цыганок О. Цицерон в украинской риторике «*Manuductio*» // *Studi Slavistici*. 2020. XVII (1). P. 35.

34 Стратий Я. М., Литвинов В. Д., Андрушко В. А. Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. – Киев: Наукова думка, 1982. – 382 с.; Цыганок О. Ук. соч. P. 40.

фигур, использование топосов. Источниками примеров служат речи Цицерона, сочинения Теренция, Вергилия, Овидия, Горация, Плиния Младшего, Сенеки.

Теоретические принципы науки о красноречии, изложенные в руководствах, восходят как к античным источникам, так и к риторическим трактатам Нового времени, а именно неоклассическим трудам Киприано де Соареса, Герхарда Фосса, Николя Коссена, Иоганна Готлиба Гейнекция, благодаря которым латинская риторика в XVII веке вернула прежнюю масштабность и приобрела новую глубину. Авторитетным оратором Нового времени, речи которого часто служили источником примеров, являлся Марк Антуан Мюре (Мурет), французский гуманист, один из лучших латинских стилистов Ренессанса. Материал для примеров составители риторик черпали также в Священном писании, сочинениях отцов церкви и других христианских ораторов.

Среди наиболее популярных латинских руководств XVIII века, оказавших заметное влияние на многих авторов, – фундаментальный риторический трактат Феофана Прокоповича «*De arte rhetorica libri X*» («Десять книг об искусстве риторики») (1706–1707). Копии риторики сохранились в нескольких студенческих списках из Славяно-греко-латинской академии (все они относятся к 1750–1753 гг.). Многочисленные последователи Феофана Прокоповича создавали компилятивные руководства, выписывая из труда своего предшественника обширные фрагменты и добавляя собственные методические замечания и примеры. Фрагменты из данного сочинения нередко переписывались дословно, без всяких ссылок (например, в руководствах из Нижнего Новгорода, Рязани, Вологды, Коломны). Феофан также рассматривался как автор великолепных речей, которые считались образцовыми.

Некоторые риторы, например, Мануил Базилевич из Смоленской коллегии, а также автор курса, прочитанного в Московской Славяно-греко-латинской академии в 1744–1745 гг., учитывали в своих сочинениях польскую барочную риторическую традицию. Так, теория остроумия изложена в смоленском руководстве с опорой на «*De acuto et arguto*», сочинение польского ритора XVII в. Сарбевия (Мацея Казимира Сарбевского). Автор московской риторики цитирует оду «сарматского Горация» Сарбевия и стихи иезуита Михаила Красуцкого о Львове.

В смоленском (1756), рязанском (1764) и нижегородском (1766) руководствах отразилось знакомство с риторикой М. В. Ломоносова. Рязанский ритор опирается на Ломоносова в главах, посвященных остроумию, заимствуя у своего предшественника многочисленные примеры остроумия на русском языке. В смоленской и нижегородской риториках из руководства Ломоносова приводятся примеры неудачных метафор: «Небо плюёт худо сказать вместо дождь идет, или блистающая солома, громогласный комар». Тот факт, что в риторике, составленные на латинском языке, включались примеры на русском языке, взятые из трактата Ломоносова (хотя и без ссылок), свидетельствует об известности и влиятельности ломоносовской риторики в 50-60-е гг. XVIII века.

Вторая глава диссертации «**Содержание и методические принципы латинских риторических руководств**» посвящена трактовке основ общей риторики в рукописных латинских руководствах XVIII века, а также методическим и дидактическим подходам к освоению риторической теории.

В параграфе 2.1 «*Общие дидактические основы составления учебных руководств по риторике*» рассмотрены принципы преподавания риторики, отраженные в различных руководствах, и даны конкретные рекомендации учащимся по изучению науки о красноречии.

Во всех руководствах выделяются четыре этапа на пути к овладению красноречием: изучение и повторение правил, чтение, подражание и упражнение. Однако роль подражания не всеми авторами признаётся важной. Так, вологодский ритор использует некоторые формулировки Феофана Прокоповича, посвятившего подражанию десятую главу первой книги своего трактата, хотя по-другому смотрит на роль подражания в подготовке оратора. В вологодской риторике рекомендуется сначала подражать признанным авторам, а затем приступать к более сложному делу – самостоятельным упражнениям. Феофан Прокопович, напротив, отводит более важную роль подражанию. Говоря о средствах достижения красноречия, он отделяет подражание от других средств: “*Quaenam et quot sint adminicula et subsidia, quibus eloquentia facile comparari possit: Tria itaque sunt: natura, ars, exercitatio, et imitatio*” («Каковы же средства, благодаря которым с лёгкостью можно достичь красноречия, и сколько их? Три: природа, искусство, упражнение, и подражание») ³⁵. Три первых средства были выделены Цицероном в трактате «Об ораторе» (I, 113–159), к ним Прокопович добавил ещё одно – подражание, считая, что это более высокая степень овладения ораторским мастерством, чем упражнение. Автор риторики из Нижнего Новгорода не выделяет подражание как отдельное средство достижения красноречия, хотя и упоминает о существовании такого подхода: “*Facultas autem orandi consumatur natura, arte, exercitatione cur quartam partem adjiciunt quidam imitationem, quam nos vel arti vel exercitationi accensemus*” («Способность к красноречию приобретается от природы, а также искусством и практикой, к чему некоторые добавляют ещё четвертую часть – подражание, которое мы причисляем либо к искусству, либо к практике») ³⁶.

Система упражнений представлена прежде всего техниками амплификации, аргументации и хрии. *Амплификация*, или распространение речи, в классических риториках понимается как система приёмов, позволяющая более полно представить какую-либо мысль. Развитие умения распространять речь, выражать свои мысли обстоятельно, в развёрнутой форме, занимало одно из центральных мест в подготовке будущего оратора уже в античную эпоху. В трактате «Об ораторе» (III, 104) Цицерон утверждал: “*Summa autem laus*

35 Procopovič Feofan. De arte rhetorica libri X // Slavistische Forschungen. Köln; Wien, 1982. P. 61.

36 Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766. РГБ. Ф. 312, № 78. Л. 27 (об).

eloquentiae est amplificare rem ornando” («Украшая, распространять предмет – наивысшее достоинство красноречия»). Автор вологодского риторического руководства видит в амплификации одно из лучших упражнений, оттачивающих слог ритора, и определяет её как “unius dictionis vel sensus in plures dilatatio” («расширение одного высказывания или смысла до многих»)³⁷. Как важнейшее и едва ли не единственное упражнение в подготовке оратора рассматривает амплификацию Мануил Базилевич, составитель риторики из Смоленской коллегии: “Non aliud quid est exercitium, quam sola amplificatio” («Упражнение есть не что иное, как одна лишь амплификация»)³⁸. Авторы риторик различают словесную и смысловую амплификацию. Словесная амплификация представляет собой перифразу. Хорошей иллюстрацией является пример амплификации слова *раx* (мир) в риторике Базилевича: “dulces quietis deliciae, summa regnorum felicitas, populi prima salus et integritas” («сладостная отрада покоя, высшее счастье царств, главное спасение и безопасность народа»)³⁹. Смысловая амплификация заключается в распространении смысла речи подходящими сентенциями, сравнениями, рассуждениями, примерами.

Сопоставляя амплификацию и *аргументацию*, смоленский ритор обращает внимание на различие между этими средствами убеждения: “Argumentatio potest adhiberi ad omnes res quaecunque possunt venire in quaestionem oratori. Jam vero amplificatio non nisi ad res magnas et graviores instituitur. Proponit rem presse et argute, secus amplificatio fuse et graviter exponit” («Аргументация применяется ко всем предметам, которые могут быть затронуты оратором. Амплификация относится только к большим и серьёзным вещам. Аргументация излагает дело сжато и остроумно, амплификация же – пространно и серьёзно»)⁴⁰. Приёмы аргументации подробно рассматриваются в разделах, посвящённых изобретению и расположению, в которых, в частности, содержатся советы по извлечению аргументов из топосов и правильному размещению их в речи.

К упражнениям относится и составление речи по *хрии* в соответствии с топосами. Термин «хрия», впервые появившись у греческого ритора IV века Автония, получил широкое распространение в школьной риторике более позднего времени. Хрией называют своеобразную схему рассуждения, позволяющую распространить и более выпукло и ясно представить какой-либо тезис. Схема хрии в разных риториках не совпадает. Так, в смоленской риторике в неё входят следующие части: вступление (*exordium*), экспозиция (*expositio*), причина (*causa*), противопоставление (*contrarium*), уподобление (*simile*), пример (*exemplum*), свидетельство (*testimonium*) и заключение (*epilogus*). В данной схеме автор допустил смешение структурных частей хрии с топосами,

37 Наставления по риторике на примерах из латинских авторов... Вологодская семинария. 1764. РГБ (Великоустюжское собрание). Ф. 122, № 14. Л. 23.

38 Basilevicz Manuel. Opus artis oratoriae... Смоленская коллегия. 1756. РГБ. Ф.733 (Смолен.), № 21. Л. 39 (об).

39 Там же. Л. 40.

40 Там же.

определяющими развитие содержания. Следует отметить, что хрия понимается им не как готовая речь, а как отдельный её фрагмент, развёрнутый аргумент. Вологодский ритор призывает к умеренности, не советуя во что бы то ни стало использовать все топосы: “*Quemadmodum enim non omnis fert omnia tellus, teste poeta: sic et quilibet locus non semper argumentum suppeditat, aut si facit, non satis habet roboris ad probandum*” («Ведь не всякая почва рождает всё, как свидетельствует поэт, так же и всякий топос не всегда предоставляет аргумент или предоставляет не имеющий достаточной силы для доказательства»)⁴¹.

В данном параграфе диссертации рассматриваются также представления авторов рукописных риторик об идеальном ораторе, дополняющие сведения о началах красноречия. Отмечается, что несмотря на то, что во многих руководствах изложение теоретических принципов риторики опирается на концепции Феофана Прокоповича, его оригинальная трактовка образа оратора не находит поддержки у составителей учебных книг. Сравнение подходов к одной из центральных проблем риторики позволяет сделать выводы о несколько ином понимании задач оратора, сложившемся во второй половине XVIII века. В частности, определяющим критерием мастерства оратора Феофан Прокопович считает реакцию адресата речи, а в рукописных риториках тема адресата речи подробно не раскрывается.

В параграфе 2.2 «*Риторический канон в трактовке авторов рукописных руководств*» представлены результаты сопоставительного анализа освещения теории общей риторики в рукописных учебных книгах.

Рукописные риторики, как правило, следуют античному риторическому канону и рассматривают такие его стороны, как изобретение (*inventio*), расположение (*dispositio*), словесное выражение (*elocutio*), память (*memoria*) и произнесение (*actio*). В соответствии с каноном должна была строиться подготовка ораторского выступления – от изобретения до произнесения. Впрочем, в отдельных руководствах классическая последовательность частей риторического канона нарушалась. Так, в риторике из Вологодской семинарии словесное выражение (*elocutio*) рассматривается первым и трактуется как важнейшая часть риторической теории. Однако этот пример является исключением, подтверждающим правило. Форма изложения материала, выбор частных вопросов, подлежащих осмыслению, своеобразны у каждого автора.

В параграфе 2.2.1 “*Inventio*” дана характеристика разделам, посвящённым теории и практике риторического изобретения, которые в большинстве рассмотренных риторических курсов являются наиболее развёрнутыми и обстоятельными. Они включают предписания, относящиеся к выбору темы, формулированию тезиса, видам и способам аргументации, риторическим топосам. Отмечается разнообразие классификаций аргументов. Так, в нижегородской риторике отдельную группу составляют *docentia argumenta*, а

41 Наставления по риторике на примерах из латинских авторов... Вологодская семинария. 1764. РГБ (Великоустюжское собрание). Ф. 122, № 14. Л. 67 (об).

затем рассматриваются *persuadentia, conciliantia et commoventia argumenta*, соотнесённые с понятиями логоса, этоса и пафоса, в вологодской рукописи вначале выстроена эта же классификация, но далее в тексте анализируются только логические и патетические аргументы. Наставляющие и убеждающие аргументы объединяются одним понятием *docentia* (λόγοι) и противопоставляются патетическим (*loci pathetica* (πάθη)). Иную трактовку получают применяющие аргументы. Нижегородский ритор выводил их из следствий к тезису, в вологодском руководстве они отождествляются с общими местами (*loci communes*). Общее место понимается как нравственное или политическое рассуждение, этот термин ритор предлагает переводить на русский язык как «нравоучение» (“*locus autem communis est tractatio moralis vel politica, diciturque ruthenice нравоучение*” [Наставления 1764: 52 (об)]. В риторике из Рязанской семинарии аргументация трактуется лаконично. Автор различает только два вида аргументов – объясняющие (*explicantia*) и иллюстрирующие (*illustrantia*)⁴², соотнося их с топосами. По мнению ритора, иллюстрирующие аргументы следует черпать из топосов подобного, противоположного, примера и свидетельства (это совпадает с утверждением нижегородского автора), объясняющие же аргументы можно изобрести с помощью всех остальных топосов. Автор смоленской риторики М. Базилевич, говоря об изобретении аргументов, также опирается на топику. При всём различии ориентиров и подходов российские риторические руководства XVIII века подчёркивают важнейшую роль мастерства аргументации в создании убедительной речи, уделяя серьёзное внимание подробному изложению техники изобретения аргументов и их классификации.

Отдельно рассматривается использование патетических аргументов (аффектов). В вологодской риторике каждому аффекту отводится подобающий ему род речи. Так, автор риторики утверждает, что для составления речей совещательного рода более всего подходят страх, надежда, стыд и бесстыдство. Аффекты, свойственные эпидейктическому роду, – радость и печаль. В речах судебного рода рекомендуется апеллировать к таким аффектам, как гнев, кротость, любовь, ненависть, зависть, сострадание и соперничество.

Развёрнутая теория риторического изобретения включает и учение о топики как системе источников аргументации. М. Базилевич, автор смоленской риторики, вслед за Н. Коссеном, которого он считает первым из риторов своего времени (“*rhetorum huius aevi princeps*”)⁴³, насчитывает 16 топосов и делит их на внутренние и внешние. Однако, если французский ритор относит к внутренним такие топосы, как определение, род, виды, перечисление частей, различие, смежность, а к внешним – причину, следствие, значение имени, признаки,

42 *Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta...* (Наставления в ораторике, почерпнутые у древних и новых авторов...). Рязанская семинария. 1759. РГБ. Ф. 194 (К.И. Невоструева), № 43. Л. 78–78 (об).

43 *Basilevicz Manuel. Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. 1756. РГБ. Ф.733 (Смолен.), № 21. Л. 126.

противоположность, противоречия, сходство, подобие, сближение, сравнение, М. Базилевич все указанные топосы считает внутренними, а внешними топосами называет прецеденты, молву, клятвы, показания, документы, свидетельства, а также истории, басни, притчи, символы, пословицы и т. д. Противоречивость и недостаточная ясность классификации, закреплённой в риторике Коссена, не случайно побудила авторов российских руководств её пересмотреть. В нижегородском руководстве обнаруживается тенденция к упрощению риторической теории, в смоленской риторике можно отметить как зависимость М. Базилевича от риторики Коссена (проявившуюся, в частности, в буквальном заимствовании из неё развёрнутого примера использования разнообразной топики в похвале лилии⁴⁴, так и стремление к большей логичности и понятности. Во многих рукописных латинских риториках, в частности, в московской 1745–1746 гг., смоленской, вологодской, классификация топосов соответствует изложенной в трактате Феофана Прокоповича и также включает 16 топосов: (*definitio* (определение), *partium enumeratio* (перечисление частей), *notatio nominis* (значение имени), *conjugata* (однокоренные слова), *genus* (род), *forma* (вид), *similitudo* (сходство), *dissimilitudo* (различие), *contraria* (противоположность), *adjuncta* (второстепенные обстоятельства), *antecedentia* (предшествующее), *consequentia* (последующее), *repugnantia* (противоречие), *causae* (причины), *effecta* (следствия), *comparatio* (сравнение)⁴⁵. В нижегородском руководстве выделено 12 топосов. Топосы воспринимаются как элементы смысловой организации речи и признаются важными прежде всего для начинающих ораторов: по мнению нижегородского ритора, топосы “*exercitatis non sunt necessarii, tironi tamen haud raro inserviunt*”⁴⁶ («не являются необходимыми для опытных ораторов, но новичку нередко служат»). Эта же мысль повторяется и в другом контексте, когда автор подчёркивает, что у опытного оратора аргументы для доказательства рождаются из самого предмета (“*ex ipsa re nascentur argumenta probantia*”), а неопытные новички пока находят их в топосах (“*tironibus vero inexercitatis ea tantisper ex locis topicis inveniuntur*”)⁴⁷. Такая оценка находится в противоречии с классическим отношением к топики как чрезвычайно важной части риторической техники, выраженным, в частности, Коссеном: “*Quod literae sunt apud grammaticos, hoc apud rhetores loci... nihil est omnino ad inventionis foecunditatem uberius, ad dispositionis rationem concinnius, ad memoriae subsidium efficacius*” («То же, что буквы у грамматиков,

44 Там же. Л. 199–201.

45 Procopovič Feofan. *De arte rhetorica libri X* // Slavistische Forschungen. Köln; Wien, 1982. S. 87.

46 *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber*. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766. РГБ. Ф. 312, № 78. Л. 31.

47 Там же. Л. 37.

у риториков – топоры... Ничто не даёт такого изобилия изобретению, такой слаженности – расположению, такой действенной помощи – памяти»⁴⁸.

В параграфе 2.2.2 “*Dispositio*” обсуждается содержание разделов, посвящённых второму этапу риторического канона – расположению. Принципы расположения ораторской речи, сложившиеся в античной риторике, не претерпели серьёзных изменений и в риторике XVIII века. В российских рукописных риториках XVIII века прослеживается общая схема композиции ораторской речи, небольшие отступления от которой вызваны индивидуальными вкусами составителей руководств. Следует отметить традиционность трактовок риторической теории диспозиции российскими риториками. Все рассмотренные риторики в большей или меньшей степени зависимы от трактата Феофана Прокоповича. В риторике М. Базилевича в качестве одного из источников упомянуто сочинение иезуита Соария. Среди других теоретических источников необходимо назвать Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, Коссена, ссылки на сочинения которых присутствуют во многих руководствах.

В рассмотренных российских рукописных риториках XVIII века обнаруживается единое понимание композиционной схемы ораторской речи, обусловленное общими теоретическими источниками. Нижегородский ритор, рассматривая части, на которые делится ораторская речь, отталкивается от античной классификации, согласно которой речь должна была включать следующие части: вступление (*exordium*), повествование (*narratio*), положение или тезис (*propositio*), доказательство (*confirmatio*), опровержение (*confutatio*), заключение (*peroratio sive conclusio*). В новое время (*moderno usu*), считает ритор, стали выделять только четыре части: вступление, тезис, трактовка (*tractatio*) и заключение⁴⁹. Трактовка может включать в себя и повествование, и доказательство, и опровержение в зависимости от конкретной ситуации. В смоленской риторике повествование, доказательство и опровержение рассматриваются традиционно как отдельные части ораторского выступления. Обстоятельностью и детальностью отличается трактовка расположения ораторской речи в московском руководстве 1744–1745 гг. из Славяно-греко-латинской академии. В частности, ритор выделяет 22 способа составления вступления, отмечает достоинства и недостатки каждой структурной части. Доказательство и опровержение московский ритор объединяет в одну часть ораторского выступления, приводя многочисленные способы построения аргументации в разных видах речей.

48 Caussin Nicolaus. De eloquentia sacra et humana libri XVI. Editio quinta. Lugduni, 1637. P. 198.

49 Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766. РГБ. Ф. 312, № 78. Л. 41 (об).

Определяя расположение как размещение изобретённого в определённом порядке (“*rerum inventarum in ordinem collocatio*”)⁵⁰, авторы риторических руководств относили к данному этапу подготовки ораторского выступления не только композицию частей ораторского выступления, но и расположение аргументов. В частности, в рязанской риторике рассмотрены такие способы расположения аргументов, как простейшая хрия, силлогизм, энтимема, тезис и подтезис, индукция, сорит, дилемма, афтонианская хрия. Следует отметить, что в рязанской риторике афтонианская хрия трактуется как вид расположения аргументов, а в руководстве М. Базилевича хрия наряду с другими способами аргументации рассматривается в разделе, посвящённом изобретению речи, после изложения основ топики. В вологодской риторике раздел «Расположение» построен своеобразно и несколько хаотично. Составитель вологодского руководства помещает сведения о расположении аргументов в раздел “*Inventio*”, а в раздел “*Dispositio*” помимо правил составления большой (цицеронианской) речи включает главы, посвящённые отдельным видам красноречия, к которым автор относит и хрию, а также главу о запоминании и произнесении.

В параграфе 2.2.3 “*Elocutio*” содержится обзор трактовок словесного выражения, третьей части риторического канона, в рассматриваемых руководствах. В разделах, посвящённых словесному выражению, систематически изложены теоретические положения риторики, связанные с языковыми аспектами порождения речи. Прежде всего авторы руководств рассматривают такую тему, как качества (*requisita*) или достоинства (*virtutes*) красноречия, к которым относятся чистота (*puritas, latinitas*), ясность (*perspicuitas, explanatio*), изящество (*elegantia, venustas, urbanitas*), уместность (*dignitas*), слаженность (*compositio*). Трактровка этой темы в разных руководствах имеет свои особенности, которые освещены в данном параграфе. Представления о качествах, которыми должно обладать ораторское выступление, отражают преобладающее влияние на риторику XVIII века одного из двух основных источников – риторического трактата Феофана Прокоповича, развивающего принципы цицероновской теории красноречия, и концепций барочной риторики.

В разделах латинских рукописных риторик, посвящённых словесному выражению, рассматривается, как правило, и учение о стиле, которое является одним из центральных разделов риторической теории. В вопросах стиля наиболее авторитетным для авторов российских учебных риторик оказался трактат Гейнекция “*Fundamenta stili cultioris*” («Основы изящного стиля», 1719). Так, разделы о стиле в вологодской и рязанской риториках почти полностью заимствованы из трактата Гейнекция. В частности, из его сочинения взяты дефиниции разных стилей, а также представление об украшенном, орнаментальном стиле как об идеале красноречия. В отношении качества (*respectu qualitatis*) стиль рассматривается как высокий (*sublimis*), средний

50 Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta... (Наставления в ораторике, почерпнутые у древних и новых авторов...). Рязанская семинария. 1759. РГБ. Ф. 194 (К.И. Невоструева), № 43. Л. 60.

(mediocris) или низкий (humilis). В количественном отношении (respectu quantitatis) стиль может быть сжатым, или лаконичным (concisus vel laconicus), средним (medius), который бывает родосским (Rhodius) или аттическим (Atticus), и пышным, или азианским (luxurians seu circumductus vel asiaticus). В отношении предмета выделены шесть разновидностей стиля – философский, исторический, эпистолярный, ораторский, поэтический, диалогический. В нижегородском руководстве стиль рассматривается также в отношении места, в котором произносится речь (respectu loci), и в отношении способа произнесения (respectu modi). В отношении места различается стиль гомилетический (homileticus), подходящий для духовных проповедей, который «тем плодотворнее, чем яснее» («eo fructuosior, quo planior»), судебный (forensis), куриальный (curiae), который «применяется в делах и церемониях курии (правительства) и определяется в письменных указах и прошениях» (“in curiae negotiis ceremoniisque adhibetur ex edictis rescriptis et supplicibus libellis cognoscendus”), и, наконец, театральный (theatralis), который может быть комическим и трагическим⁵¹. В отношении способа произнесения стиль делится на декламационный (recitativus) и относительный (relativus) в зависимости от того, прямая или косвенная речь используется.

Отмечается, что важную часть раздела риторики, посвящённого словесному выражению, с античных времён составляло учение о тропах и фигурах. В российских рукописных риториках XVIII века античные теоретические принципы несколько адаптированы, упрощены, а также проиллюстрированы многочисленными примерами из христианских текстов. Количество тропов редуцировано, их выбор (в основном, совпадающий в различных рукописях) обусловлен сложившейся к этому времени традицией преподавания риторики с опорой на латинских авторов, прежде всего на Цицерона. Поэтому без внимания остались, в частности, сравнение и эпитет, которые Аристотель в своих трактатах «Поэтика» и «Риторика» рассматривал как важнейшие тропы. При очевидной традиционности трактовок, восходящих к античной риторике, осмысление отдельных понятий в разных руководствах имеет свои особенности, продемонстрированные в параграфе. Указывается также на использование тропов (в основном, метафор) в тексте самих риторик. Преобладающими семантическими группами образов, характеризующих риторику и её освоение, являются растительные метафоры (в частности метафора сада) и метафора пути. Их объединяет семантика роста, развития, движения, несущая в себе положительные коннотации. Неоднократно используются метафорические модели «речь есть человеческое тело» и «речь есть дом». Телесные и строительные метафоры, определяющие понятие риторики, имеют много общего, а именно передают идею пропорциональности,

51 Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766. РГБ. Ф. 312, № 78. Л. 49.

гармонии структуры речи. Чаще всего ключевые метафоры являются развёрнутыми, т. е. аллегориями.

Репертуар риторических фигур, представленных в рукописных риториках, отличается широтой и разнообразием. В работе сравниваются классификации фигур в различных риториках, выявляются источники дефиниций и примеров. В частности, нижегородская риторика представляет краткое, сжатое изложение теории фигур. Классификация фигур в данной риторике отличается большей логикой и целесообразностью. Примеры автор использует либо собственного сочинения, либо хрестоматийные, широко известные. Автор вологодской риторики приводит более обстоятельное толкование фигур, даёт им функциональную характеристику, примеры же привлекает как из античных авторов, так и из христианских источников. Есть различия и в конкретном перечне фигур, и в отнесении отдельных фигур к той или иной группе. В московских риториках из Славяно-греко-латинской академии раздел о тропах и фигурах имеется только в руководстве 1743–1744 гг., содержащем в основном учение о поэтике. В этой риторике многие фигуры называются иначе, чем в руководствах из Нижнего Новгорода и Вологды, что свидетельствует о разных источниках. Интересен подбор примеров из античной и новолатинской поэзии, однако автор всё же отдаёт предпочтение простым и понятным фразам, специально составленным для этого руководства или взятым из других учебников.

В разделах риторик, посвящённых словесному выражению, рассматривается также учение об остроумии и островах, являвшееся важной составной частью риторической теории, «непременным компонентом барочных поэтик и риторик»⁵². В параграфе сопоставляются различные определения остроты, отмечаются античные истоки дефиниции “*discors concordia*”, закреплённой в сочинении польского иезуита Сарбевию (Мацея Сарбевского) “*De acuto et arguto*” и усвоенной позднейшей риторикой. В рязанском руководстве учение об остроумии изложено наиболее подробно, наряду с латинскими примерами даются примеры на русском языке, заимствованные из «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова. Всего рязанский ритор приводит 31 пример образования острот из топосов, из них – 25 примеров на русском языке, взятых из трактата Ломоносова, и только 6 латинских примеров. Таким образом, основным источником примеров является «Краткое руководство к красноречию». Для сравнения, Ломоносов даёт гораздо больше примеров образования острот в соответствующем разделе риторики (всего 71 пример). Очевидно, что при рассмотрении способов образования острот рязанский ритор ориентировался на текст риторик Ломоносова. Однако это не полное заимствование, а адаптация. Изменена последовательность изложения материала, внесены некоторые поправки. Ритор выбирает наиболее наглядные

52 Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // Кибальник С. А. Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века. Очерки. СПб.: Петрополис, 2012. С. 385.

примеры из ломоносовской риторики и приводит их на русском языке. Примеры из Ломоносова образуют, таким образом, вкрапления русского текста в латинской риторике.

В параграфе 2.2.4 “*Memoria et actio*” отражено освещение в рукописных риториках последних двух частей античного риторического канона – запоминания и произнесения. Этим этапам работы над речью не все авторы руководств посвящали отдельные разделы. Так, составитель московского руководства 1744–1745 гг. не считает нужным рассматривать этапы запоминания и произнесения, отсылая учащихся к труду Киприана Соареса: “*De reliquis etiam duabus partibus orationis, videlicet de memoria et pronunciatione sufficiens notitia haberi potest ex Cipriani praescriptis*”⁵³. В вологодской риторике 1764 года о запоминании и произнесении рассказывается в разделе “*Dispositio*”. Заключительные части риторического канона считаются составителем риторики менее важными (“*minoris momenti rhetoricae partes*”)⁵⁴. В нижегородской риторике в трактовке запоминания и произнесения имеются буквальные совпадения с текстом риторики из Рязанской семинарии. Очевидно, тексты обеих риторик восходят к общему источнику, а именно трактату Феофана Прокоповича, который в свою очередь опирался на Квинтилиана (“*Quaquam autem ista naturae potius, quam artis dona sunt, observarunt tamen antiqui sophistae multa in hanc rem praescepta, quorum selectiores Fabius collegit, ex his aliqua hic subjiciemus*” («Хотя это больше дары природы, чем искусства, античные софисты составили относительно этого много предписаний; Фабий собрал избранные предписания, некоторые из них мы здесь приведём»)⁵⁵. Нижегородский ритор пересказывал, сокращал текст источника, предлагал свои трактовки, в рязанской риторике чаще встречаются буквальные заимствования. Несмотря на то, что рязанское руководство хронологически более раннее, в нём больше неточностей, опусок и ошибок, которые можно объяснить неправильным прочтением письменного источника (например, “*monstroniae*” вместо “*monotoniae*”). В

53 *Emporium totius facultatis rhetoricae selectioribus eloquentiae fundamentis ad elegantiam stili et vulgarem in omni dicendi genere modum magis conducentibus nec non rebus ac ideis ad instruendum tum sacrum tum civilem oratorem et pluribus ad artem rhetoricam spectantibus refertissimum ad usum et imitationem rhetoribus expositum in Moscoviensi sacratissimae imperatoriae majestatis academia anno 1744 septembri die 21-ma in annum 1745 (Собрание всего, к риторике касающегося, с приведением всех оснований, выбранных для изысканного и повседневного стилия из всех видов беседы, всех вещей и мыслей к научению ораторов как церковных, так гражданских, и многого другого к риторике относящегося, для употребления и подражания собранное в Московской священной имп. Академии в 1744–1745 гг.).* РГБ. Ф. 173.1, № 356. Л. 118 (об).

54 Наставления по риторике на примерах из латинских авторов... Вологодская семинария. 1764. РГБ (Великоустюжское собрание). Ф. 122, № 14. Л. 104 (об).

55 *Praescepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta...* (Наставления в ораторике, почерпнутые у древних и новых авторов...). Рязанская семинария. 1759. РГБ. Ф. 194 (К.И. Невоструева), № 43. Л. 109; Procopovič Feofan. *De arte rhetorica libri X // Slavistische Forschungen.* Köln; Wien, 1982. S. 454.

смоленской риторике М. Базилевича собраны конкретные советы относительно произнесения, которые сводятся к требованиям уместности и умеренности. М. Базилевич, ссылаясь на Цицерона и Коссена, который именуется «первым из риториков нашего времени» (“*rhetorum huius aevi princeps*”), подчёркивает важность и необходимость школьных риторических упражнений, хотя и не отрицает разницу между школьной теорией и реальной жизненной практикой⁵⁶.

Третья глава диссертации «**Виды и жанры красноречия в интерпретации российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке**» посвящена отражению проблематики частной риторики в рукописных руководствах. Переходя от изучения общей риторики к частной, авторы латинских руководств затрагивают проблему классификации красноречия, выделения отдельных видов речей. Античная классификация видов красноречия, в соответствии с которой речи делились на эпидейктические, совещательные и судебные, представлялась, как правило, не вполне пригодной для нового времени. Авторы рукописных риторик повторяют эту схему вслед за Аристотелем⁵⁷, однако в разделах, посвящённых конкретным риторическим жанрам, предлагают иные классификации.

Нижегородский ритор находит античную классификацию устаревшей: “*Postquam ergo hodie nec in populi conciliis deliberatur integris orationibus, nec in foro (saltim apud Germanos) eloquentiam ostentant causarum patroni, et quae supersunt solemnes panegires, lange alius plerumque sunt generis, quam antiquae illae facile patet triplicis istius causarum generis, quo universa veterum rhetorica nititur. Non alium fere hodie superesse usum, nisi ut antiquorum orationes melius intelliguntur ac dividicentur*”⁵⁸(«после того как сейчас на народных собраниях перестали произносить законченные речи, и в суде (в Германии, во всяком случае) защитники не демонстрируют своего красноречия, а сохранившиеся торжественные панегирики обычно совершенно другого рода, чем древние, совершенно ясно, что для трёх родов, на которые опирается вся риторика древних, сейчас не осталось другого употребления, кроме как для лучшего понимания и разбора речей древних авторов»). В результате автор предлагает следующую классификацию видов красноречия: «итак, в наше время красноречие может иметь академическое, политическое, церковное или общее употребление (*usus vel scholasticus, vel politicus, vel ecclesiasticus, vel communis*)»⁵⁹.

В других риторических рукописных руководствах авторы концентрируются лишь на некоторых, особенно необходимых, по их мнению, речевых жанрах. Так, в смоленской риторике М. Базилевича центральное место

56 Basilevicz Manuel. *Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. 1756. РГБ. Ф.733 (Смолен.), № 21. Л. 126.

57 *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber.* Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766. РГБ. Ф. 312, № 78. Л. 58.

58 Там же. Л. 58 (об).

59 Там же. Л. 58 (об).

среди речевых жанров отведено «любезному красноречию». В отдельных небольших главах рассматриваются также такие жанры, как предисловие, посвящение, панегирик, элогий (краткое стихотворение хвалебного содержания), не относящиеся к видам “eloquentia officiosa” (любезное красноречие) и “eloquentia sacra” (духовное красноречие). Однако чёткой классификации речевых жанров Базилевич не даёт, рассматривая в одном ряду самые разнообразные речевые жанры, некоторые из которых (элогий, посвящение) не могут быть отнесены собственно к ораторским. Вологодский автор рассматривает отдельные речевые жанры в разделе, посвящённом расположению. Духовному красноречию в его руководстве отведён специальный раздел. Из светских речевых жанров выделяются orationes officiosae и не входящие в эту группу панегирик, хрия, история, письмо. Автор московского руководства 1744–1745 гг. в зависимости от сферы употребления речей делит красноречие на схоластическое, или академическое (eloquentiam scholasticam), официальное, или любезное (eloquentiam officiosam), и духовное (eloquentiam sacram).

Таким образом, утверждается, что даже те авторы, которые придерживаются классической классификации, выбирают для изучения лишь те жанры (в латинских риториках используется термин species, т. е. «виды»), которые имели распространение в ораторской практике своего времени. Несмотря на то, что в российской риторике XVIII века жанровая классификация красноречия находится всё ещё в стадии формирования, анализ рукописных риторических руководств на латинском языке показывает, что при всём разнообразии подходов наибольшее внимание составители риторик уделяют доминировавшим в то время жанрам эпидейктического красноречия.

Параграф 3.1 «Академическое красноречие» посвящён ораторским жанрам, применение которых не выходило за рамки академической деятельности. Отмечается, что автор нижегородской риторики указывает на причины появления нового рода красноречия: “Quandoquidem autem postea in scholis tantum supererant reliquiae eloquentiae latinae, declamationes vero illae umbraticae ad nullum trium generum pertinebant: novum orationum genus invenere doctores, quod quum non tam in persuadendo, quam docendo delectando qui versaretur didascalicum appellaverunt”⁶⁰(«Когда только в школах остались остатки латинского красноречия, школьные декламации не относились ни к одному из трёх родов. Учёные изобрели новый вид речей, который имел отношение не столько к убеждению (persuadendo), сколько к поучению (docendo) и услаждению (delectando), и назвали его академическим (didascalicum, scholasticum)»). Ритор относит к академическому красноречию такие жанры, как лекция (lectio), декламация (declamatio), торжественная речь (oratio solennis), программная речь (programma), обсуждение (disputatio) и вступление (prolusio).

⁶⁰ Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766. РГБ. Ф. 312, № 78. Л. 58.

Многие из этих жанров (а именно декламации, торжественные и программные речи) могут рассматриваться как часть эпидейктического красноречия. Образцы декламаций ритор советует искать у Квинтилиана, но для новичков считает более полезным начать с подражания речам Мурета. Ссылаясь на Гейнекция, которого он называет знаменитейшим ("celeberrimus Heineccius"), автор руководства объясняет, что следует вслед за Гейнекцием отнести речи Мурета к академическому красноречию, так как они сейчас воспринимаются как упражнения для ума и образец для подражания в гимназиях и академиях. Составитель московской риторики 1744–1745 гг. понимает академическое (школьное, схоластическое) красноречие более широко, относя к нему все жанры, кроме принадлежащих сфере любезного и духовного красноречия, а именно элогий, энкомий, панегирик, предисловия, посвящения, эпитафии. Обращается внимание на то, что хвалебные речи более всего соответствовали требованиям времени и интенция похвалы присутствовала в речах разных жанров. Так, смоленский ритор М. Базилевич подчёркивает центральную роль похвалы (laus) в предисловии и посвящении – жанрах, которые по сфере употребления относятся к академическим.

В параграфе 3.2 «*Эпидейктическое красноречие*» обсуждается трактовка в рукописных руководствах наиболее распространённого в риторике XVIII века вида красноречия, представленного любезной (официальной) элоквенцией (eloquentia officiosa) и похвальными речами, включающими прежде всего панегирик, а в отдельных риториках также элогий и энкомий. Интерпретация понятия eloquentia officiosa требует уточнения. Например, в смоленской риторике к этому виду речей относятся поздравительные речи по случаю получения каких-либо наград, принятия духовного сана, дня рождения, Нового Года, Рождества Христова и Пасхи, а также речи приветственные, прощальные, просительные, благодарственные, свадебные, надгробные и другие⁶¹. Согласно определению М. Базилевича, во всех речах этого рода «выражена любезность по отношению к другому человеку или его почитание» ("exhibetur alteri personae officiositas aut honor")⁶². Такое понимание латинского термина позволило смоленскому ритору объединить в одну группу, например, поздравительные речи и прошения. Обращается внимание на то, что автор вологодской риторики не относит прошения к «любезному красноречию», а рассматривает их в главе, посвящённой написанию писем, что представляется вполне обоснованным. Вариант перевода eloquentia officiosa как «официальное красноречие» также возможен, хотя и, как представляется, сужает смысл понятия, так как функционирование этих речей вряд ли ограничивалось официальными ситуациями.

Особую разновидность любезного красноречия представляют речи, сопровождавшие свадебный обряд. Одни из них предшествовали заключению

61 Basilevicz Manuel. Opus artis oratoriae... Смоленская коллегия. 1756. РГБ. Ф.733 (Смолен.), № 21. Л. 68 (об).

62 Там же.

брака (*orationes antenuptiales*), другие предваряли вручение свадебных подарков или служили выражением благодарности за дары (*orationes redditoriae munerum et responsoriae*), третьи произносились непосредственно во время свадьбы (*orationes nuptiales*). Отмечается, что в смоленской и вологодской риториках имеются примеры свадебных речей на русском языке, демонстрирующие возможности применения правил красноречия в реальной жизненной ситуации на родном для брачующихся языке. Рассуждая о свадебных речах, авторы учебных руководств больше уделяли внимания этикетным, а не собственно риторическим правилам. Тем не менее некоторые стилистические приёмы рекомендуются как необходимые и особенно характерные для свадебного красноречия, а именно широкое использование гипербол, сентенций и цитат из античных и христианских авторов. Принадлежность свадебных речей к эпидейктическому красноречию объясняет включение в каждую речь независимо от её цели *laudes* в качестве обязательного элемента содержания.

Важное место во всех риториках занимает панегирик, центральный жанр среди жанров устной публичной речи в России XVIII века, которому отводили самостоятельное место в классификациях, не включая его в группу любезных речей. Частью эпидейктического красноречия являются также элогий и энкомий. В параграфе сопоставлены трактовки этих жанров, объединённых интенцией похвалы, что позволило проследить формирование представлений о жанровой специфике хвалебного красноречия в российской риторике XVIII века.

В параграфе 3.3 «*Судебное и совещательное красноречие*» рассмотрено освещение в рукописных руководствах ветвей красноречия, сохранивших своё значение в России XVIII века преимущественно в академической сфере. Отмечается, что судебное красноречие, не востребованное в юридической практике, изучалось главным образом для того, чтобы лучше понимать древних авторов. Составление судебных речей входило в программу риторической подготовки будущего оратора, но специального внимания в учебных риториках ему не уделялось.

Совещательное красноречие в риторической практике России XVIII века было представлено в основном в сфере дипломатической риторики. В большинстве практических курсов риторики совещательному красноречию не уделялось внимания вообще или рассматривались только отдельные его жанры. Так, в московской риторике 1745–1746 гг. выделены такие жанры, как *legatio* (посольство) и *votum* или *sententia* (решение, принятое на каком-либо собрании, вотум). В этой же риторике специальный раздел посвящён политической эрудиции, в него входят три главы: “*De re publica*”, “*De virtutibus*”, “*De vitiis*”. Описание и риторическая амплификация добродетелей и пороков не имеют прямого отношения к теме государственного устройства, поэтому наибольший интерес представляет первая глава раздела (“*De re publica*” («О государстве»)), в которой рассмотрены такие понятия, как *princeps* (глава государства, монарх), *dux* (вождь, полководец), *miles* (воин), *cives* (граждане), *aerarium seu vectigalia* (казна и налоги). Хотя существовало представление, что политическое

красноречие к этому времени давно утратило актуальность и сохранилось лишь в школьном курсе риторики, составитель риторики считает нужным не только подробно рассмотреть круг политических топов, но и дать учащимся некоторые советы в области государственного управления. В рекомендациях по составлению совецательных речей обнаруживаются элементы риторики диалога, учитываются позиции адресата и адресанта речи, излагаются основополагающие принципы ведения дискуссии. Классические концепции судебных и совецательных речей сохраняют своё теоретическое значение, даже когда риторическая практика ограничивается эпидейктическим красноречием.

Параграф 3.4 «*Духовное красноречие*» содержит анализ разделов рукописных риторик, посвящённых *eloquentia sacra*. Обучение духовному красноречию являлось важнейшей задачей риторического курса в системе подготовки будущих священнослужителей, однако специальные разделы, посвящённые гомилетике, занимают скромное место в структуре учебных книг. Это объясняется тем, что предшествующие части курса уже содержали необходимые теоретические основы красноречия, а для более глубокого освоения *eloquentia sacra* были предусмотрены специальные дисциплины. Обучение духовному красноречию, или гомилетике, включало формирование представлений о проповеди как особом жанре ораторской речи, об изобретении и расположении проповеди, об образе оратора-проповедника. Проповедничество, изначально воспринимаемое как явление, нехарактерное для православного богослужения, с начала XVIII века становится в России важным государственным делом и инструментом поддержки верховной власти.

В риторике из Московской духовной академии, составленной в 1744–45 гг. в соответствии со схоластической иезуитской моделью образования, подробно рассматривается содержание понятия проповеди. Автор руководства подчёркивает античное происхождение термина *sermo* (проповедь), напоминая, что этим словом Тит Ливий, Тацит, Курций и другие авторы обозначали обращения императоров и полководцев к армии или народу с похвалой какого-либо героического поступка или призывом к действию⁶³. В риторике приводится ряд образцов построения проповеди, к её содержанию предъявляются те же требования, что и к герменевтическому истолкованию Священного Писания, изложенные в следующем широко известном двустишии, формулирующем четыре смысловых уровня сакрального текста – буквальный (учит или

63 *Emporium totius facultatis rhetoricae selectioribus eloquentiae fundamentis ad elegantiam stili et vulgarem in omni dicendi genere modum magis conducentibus nec non rebus ac ideis ad instruendum tum sacrum tum civilem oratorem et pluribus ad artem rhetoricam spectantibus refertissimum ad usum et imitationem rhetoribus expositum in Moscoviensi sacratissimae imperatoriae majestatis academia anno 1744 septembri die 21-ma in annum 1745 (Собрание всего, к риторике касающегося, с приведением всех оснований, выбранных для изысканного и повседневного стилия из всех видов беседы, всех вещей и мыслей к научению ораторов как церковных, так гражданских, и многого другого к риторике относящегося, для употребления и подражания собранное в Московской священной имп. Академии в 1744–1745 гг.). РГБ. Ф. 173.1, № 356. Л. 156.*

сообщает), аллегорический (укрепляет веру), моральный (направляет поведение), анагогический (устремляет к высокому): “*Littera sacra docet, quod credas allegoria, / Moralis quod agas, quo tendas anagogia*”⁶⁴. Это же двустишие цитирует и смоленский ритор Мануил Базилевич, рекомендуя поместить его во вступлении к проповеди и дополнить рассуждением⁶⁵. Составитель коломенской риторики 1761 г. делит проповеди на два типа. Одни относятся к эпидейктическому, другие – к совещательному роду⁶⁶. Первые произносятся по случаю церковных и некоторых светских праздников, вторые делятся на герменевтические, т. е. поясняющие Священное Писание, и профетические, порицающие пороки и призывающие к добродетели. Часто гомилии, уточняет автор, сочетают в себе черты разных типов. Рассказывая о содержании проповедей, составитель рукописи к некоторым словам, допускающим разные варианты истолкования или имеющим особо важное значение, добавляет русские глоссы. Например, рядом со словом “*humilitas*” пишет «смиренномудрие»⁶⁷. Несмотря на некоторые расхождения в трактовке духовного красноречия, авторы рассмотренных риторик демонстрируют единство подхода к гомилетике как ораторскому искусству, сохраняющему преемственную связь с классической риторикой и продолжающему её традиции.

В **Заключении** резюмируются основные итоги исследования, обозначаются перспективы дальнейшего изучения темы.

Отмечено, что возрождение интереса к риторике, которое наблюдается во всём мире, закономерно сопровождается обращением к истории науки о красноречии, стремлением проследить все этапы её становления от античности до современности. Значимыми аспектами истории элоквенции в России являются становление риторики как учебной дисциплины, процесс адаптации классической теории к актуальным практическим задачам, овладение латинской техникой красноречия и создание научного аппарата на русском языке. В связи с этим обозначена роль латинских руководств по риторике как важного источника представлений о роли латыни в образовании и культуре России XVIII века.

Несмотря на наличие авторитетных печатных учебников, учителя риторики считали необходимым создавать собственные рукописные

64 Там же. Л. 160.

65 Basilevicz Manuel. *Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. 1756. РГБ. Ф.733 (Смолен.), № 21. Л. 122.

66 *Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt cum pernecessariis observationibus collecta atque ad usum studiosae juventuti in seminario Colomnensi sub almis suspiciis illustrissimi Porphyrii Episcopi Colomnensis legi et explicari* (Наставления в искусстве красноречия, почерпнутые у авторов, старавшихся развить врождённую способность к разговору, с необходимейшими замечаниями, собранные для пользования учащихся в Коломенской семинарии юношей под наблюдением славного Порфирия, епископа Коломенского, к чтению и объяснению). Коломенская семинария. 1761. РГБ. Ф. 173.1, № 357. С. 189–189 (об).

67 Там же. Л. 191.

руководства, обобщающие и упрощающие риторическую теорию. Хотя подобные пособия часто имели компилятивный характер, иногда декларируемый автором, они отличались определённой самостоятельностью. В частности, отбор и принципы изложения материала в различных руководствах, своеобразие композиции, методические советы и примеры свидетельствуют о творческом переосмыслении классической риторической теории и стремлении приблизить её к реальной практике. Следует отметить и тот факт, что, хотя преподавание риторики велось на латинском языке, вместе с тем поощрялось применение полученных знаний в риторических выступлениях на русском языке. Поэтому в латинских учебных риториках XVIII века встречаются примеры речей на русском языке (“*praxeis slavonicae*”).

Риторическое образование в России XVIII века было построено на классическом античном фундаменте. В рукописных руководствах на латинском языке, созданных в России этого времени, античные традиции науки о красноречии находят разнообразное отражение. В учебных книгах широко используются теоретические постулаты античных риторик, тексты античных авторов служат источником примеров, сведения из античной истории и культуры, фрагменты латинской поэзии рекомендуется включать в учебные декламации. Среди античных источников российских риторик наиболее значительным является, безусловно, Цицерон. Восприятие Цицерона как авторитетного теоретика риторики и сильнейшего из ораторов характерно для европейского образования XVII–XVIII вв. в целом и для Центральной и Восточной Европы в частности. Привлекаются как теоретические положения, так и отрывки из речей оратора в качестве иллюстраций. Встречаются, хотя и значительно реже, отсылки к риторическим сочинениям Аристотеля и Квинтилиана. Источниками примеров служат сочинения многих античных авторов – Вергилия, Овидия, Сенеки, Проперция, Марциала, Плиния Младшего. Примеры извлекаются и из христианских текстов – Священного Писания, сочинений отцов церкви. Из этих текстов берутся многочисленные примеры, иллюстрирующие виды аргументации, особенности стиля, применение тропов и фигур.

Составители руководств во многом опираются также на труды европейских теоретиков риторики XVI века Киприано де Соареса, Герхарда Фосса, Николя Коссена, Иоганна Готлиба Гейнекция. Одним из наиболее авторитетных источников является риторический труд Феофана Прокоповича, выдержки из которого в некоторых риториках (в частности, в новгородской, рязанской и вологодской) приводятся без указания авторства. Риторика Феофана по своей обстоятельности и глубине намного превышает уровень учебных книг, поэтому заимствования из неё ограничены афористичными, красиво сформулированными фразами, и не затрагивают основного содержания. Однако следует отметить, что трактат Феофана использовался в преподавании в Славяно-греко-латинской академии в 1750–1753 гг., о чем свидетельствуют сохранившиеся студенческие копии риторики. Важным источником служат

польские риторические сочинения. Так, теория остроумия в смоленском руководстве изложена с опорой на «De acuto et arguto», сочинение польского ритора XVII в. Сарбевия (Мацея Казимира Сарбевского), некоторые примеры в разных риториках приводятся на польском языке или касаются персоналий польской истории. Отмечено, что в нижегородской и рязанской риториках в разделах, посвящённых остротам и тропам, используются примеры на русском языке, заимствованные из «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова.

Структура большинства руководств соответствует схеме преподавания риторики, сложившейся под влиянием иезуитской системы обучения. Первая часть курса является вводной и содержит предварительные сведения, необходимые для дальнейшего, более глубокого изучения риторической теории. Представление о том, что следует отнести к началам риторики, у каждого ритора своё, но, как правило, в этой части курса рассматриваются основные понятия и средства красноречия, правила построения периодов, образцы составления писем. В некоторых руководствах вводная часть включает также каталог тропов и фигур, правила амплификации и построения хрии.

Основной теоретический материал в риториках расположен в соответствии с этапами риторического канона. Исключение составляет вологодская риторика, в которой нарушается традиционная последовательность частей канона, а именно словесное выражение предшествует изобретению и расположению, а запоминание и произнесение бегло рассматриваются в отделе, посвящённом расположению.

В диссертационном исследовании рассмотрены композиция, содержание, методические принципы, выбор иллюстративного материала в российских рукописных риториках на латинском языке. Определён ряд основных античных и новолатинских теоретических источников, на которые опирались составители учебных книг. Сопоставлены классификации жанров красноречия в отдельных риториках, выявлены особенности трактовок академического, эпидейктического, судебного, политического и духовного красноречия.

Перспектива исследования рукописных риторических руководств на латинском языке связана с введением в научный оборот ранее не исследованных текстов и материалов, что позволит расширить представление о процессе формирования российской риторической науки, полнее представить роль латинского языка в истории российского гуманитарного образования.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

**Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных
для защиты в диссертационном совете МГУ имени М. В. Ломоносова:**

1. Курилова А. Д. Гипербола: троп или состояние тропа? // Русская словесность. № 6. 2011. С. 18–20. (Импакт-фактор РИНЦ 2023 — 0,047) (0,2 п.л.)
2. Курилова А. Д. О некоторых особенностях содержания и композиции российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 15. 2011. С. 323–330. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,5 п.л.)
3. Курилова А. Д. Понятия и средства красноречия в интерпретации российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Филологические науки. № 4. 2011. С. 54–62. (Импакт-фактор WoS 2023 — 0,1) (0,5 п.л.)
4. Курилова А. Д. Memoria и actio в интерпретации российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 16. 2012. С. 416–423. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,5 п.л.)
5. Курилова А. Д. Топосы (loci topici) в интерпретации нижегородской рукописной риторики 1766 г. на латинском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1. Часть 1. С. 361–363. (Импакт-фактор РИНЦ 2023 — 0,39) (0,4 п.л.)
6. Курилова А. Д. Российские рукописные риторики XVIII века на латинском языке об изобретении аргументов // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 17. 2013. С. 536–545. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,6 п.л.)
7. Курилова А. Д. Российские рукописные риторические руководства XVIII века на латинском языке о качествах красноречия // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 18. 2014. С. 558–564. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,4 п.л.)
8. Курилова А. Д. Расположение ораторской речи в трактовке российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 19. 2015. С. 544–549. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,3 п.л.)
9. Курилова А. Д. Дидактические аспекты преподавания риторики в России XVIII века (на материале рукописных руководств на латинском языке) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 20. 2016. С. 552–558. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,4 п.л.)
10. Курилова А. Д. Новолатинские источники российских латиноязычных рукописных риторик XVIII века (на примере Вологодского руководства 1764 г.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 21. 2017. С. 484–492. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,5 п.л.)

11. Курилова А. Д. Элементы политического красноречия в московской рукописной риторике «*Diadema ex immarcessibilibus floribus Tullianae*» (1745–1746) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Том 22 (1). 2018. С. 707–713. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,4 п.л.)

12. Курилова А. Д. Аллегория как риторический приём в освещении российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Том 23. 2019. С. 237–241. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,4 п.л.)

13. Курилова А. Д. Смоленская рукописная риторика XVIII века в контексте развития риторического образования в России // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Том 25 (1). 2021. С. 719–727. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,5 п.л.)

14. Курилова А. Д. Античные источники российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Том 26 (1). 2022. С. 658–671. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,8 п.л.)

15. Курилова А. Д. Ирония в освещении российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Том 27 (1). 2023. С. 664–671. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,4 п.л.)

16. Курилова А. Д. Изящество (*elegantia*) словесного выражения в освещении российских риторик XVIII века на латинском языке // *Litera*. 2023. № 2. С. 108–113. (Импакт-фактор РИНЦ 2023 — 0,33) (0,4 п.л.)

17. Курилова А. Д. Российские риторики XVIII века на латинском языке о свадебных речах // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Том 28 (1). 2024. С. 949–954. (Импакт-фактор SJR 2023 — 0,204) (0,3 п.л.)

В других изданиях:

монография и глава в коллективной монографии:

18. Курилова А. Д. *Eloquentia officiosa* в интерпретации российских риторик XVIII века на латинском языке (глава в коллективной монографии) // *Филологическое наследие М. В. Ломоносова: коллективная монография*. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 193–202. (0,5 п.л.)

19. Курилова А. Д. Российские рукописные риторики XVIII века на латинском языке (монография) // Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2019. 102 с. (7,5 п.л.)

статьи в журналах и сборниках:

20. Курилова А. Д. Об интерпретации тропов в латинских риториках в России XVIII века // *Гуманитарные исследования*. № 3 (35). 2010. С. 140–144. (Импакт-фактор РИНЦ 2023 — 0,157) (0,5 п.л.)

21. Курилова А. Д. Классификация фигур в латинских рукописных риториках в России XVIII в. // Гуманитарные исследования. № 1 (37). 2011. С. 187–193. (Импакт-фактор РИНЦ 2023 — 0,157) (0,5 п.л.)
22. Курилова А. Д. Риторическое изобретение в трактовке российских рукописных руководств XVIII века на латинском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. 2012. № 2. С. 334–336. (Импакт-фактор РИНЦ 2023 — 0,291) (0,5 п.л.)
23. Курилова А. Д. Российские рукописные риторика XVIII века на латинском языке о композиции ораторского выступления // Компаративные исследования славянских языков и литератур: сборник научных трудов. Вып. 22. Киев: Освита Украины, 2013. С. 66–73 (0,5 п.л.)
24. Курилова А. Д. Рукописные российские риторика XVIII века на латинском языке о хвалебных речах // Симпозион. К 90-летию А. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2013. С. 138–148. (0,6 п.л.)
25. Курилова А. Д. Учение о стиле в трактовке российских риторик XVIII века на латинском языке // Проблемы античного мира и современность. Межвузовский научный сборник. Вып. IV. Алматы, 2013. С. 347–358. (0,6 п.л.)
26. Курилова А. Д. Классификации жанров красноречия в российских рукописных риториках XVIII века на латинском языке // Жанры русской словесности: межвузовский сборник научных трудов. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2014. С. 39–41. (0,2 п.л.)
27. Курилова А. Д. Политическое красноречие в освещении российских риторик XVIII века // Научный вестник Астраханского филиала РАНХиГС: сборник научных статей. Вып. 6. Астрахань, 2015. С. 21–23. (0,2 п.л.)
28. Курилова А. Д. Российские рукописные риторика XVIII века на латинском языке о духовном красноречии // Речевая структура русского общества: проблемы риторики, поэтики и стилистики: межвузовский сборник научных трудов. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2015. С. 68–70 (0,2 п.л.)
29. Курилова А. Д. Влияние «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова на российские риторика XVIII века на латинском языке // Чтения Отдела русской литературы XVIII века (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук). Вып. 8: Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII – начала XIX века. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2018. – С. 252–257 (0,4 п.л.)